

Виктор Джин

из Декабря
в Антарктику

Виктор Джин
Из Декабря в Антарктику

«Издательские решения»

2018

Джин В.

Из Декабря в Антарктику / В. Джин — «Издательские решения»,
2018

ISBN 978-5-4490-8129-2

На пути к мечте герой преодолевает пять континентов: обучается в джунглях, выживает в Африке, влюбляется в Бразилии. И повсюду его преследует пугающий демон. Книга написана в традициях магического реализма, ломая ощущение времени. Эта история вдохновляет на приключения и побуждает верить в себя.

ISBN 978-5-4490-8129-2

© Джин В., 2018
© Издательские решения, 2018

Содержание

ГЛАВА1: ЛЕТО	6
СЧАСТЬЕ	6
ПРОШЛОЕ	12
ЛЮБОВЬ	22
ГЛАВА2: ОСЕНЬ	30
СТРАХ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Из Декабря в Антарктику

Виктор Джин

Редактор Тим Грин

© Виктор Джин, 2020

ISBN 978-5-4490-8129-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА1: ЛЕТО

СЧАСТЬЕ

Лазурный платок идеально сочетался с глазами незнакомки, а также с кувшинками на картине за ее спиной. Потерянные в серости тесного помещения без окон, кувшинки вдруг ожили и заиграли сочными красками.

Сразу вспомнился тот маленький пруд, весь затянутый ядовитой тиной. Вокруг лежали драконьи тела – десяток гамбийских крокодилов грелись на солнце, напоминая пластилиновые статуи.

Ближайший ко мне, самый жирный, распластался на животе, с открытой пастью, словно ловил снежинки. Он обратил голову к водоему, готовый в любой момент сползти в прохладную воду. Засохшие зеленые крошки запятали рельефный бок и зубастую морду. Пахло гнилыми, нагретыми солнцем водорослями.

Даже спустя годы не забыть, как пересилив себя, дотрагиваюсь до этой жуткой твари. Ощущаю твердую кожу, толстую, как кора столетнего дуба, и шершавую, как корка авокадо. Под моей ладонью спит чешуйчатый демон.

– *Ойе, ай мас пальта?* Эй, есть ещё авокадо?

Поправив лазурный платок, женщина окликнула сержанта, стоявшего в темном углу. Военный сухо ответил, что нет, закончился, а ресурсы на корабле строго распределены. Оба они использовали слово *пальта* из языка кечуа и тараторили на испанском так, как это делают чилийцы, проглатывая буквы, что усиливало голод.

Женщина резко повернулась, бросив холодный взгляд на противоположную сторону стола.

– Я вам Моне не загораживаю?

– Да нет же, – мужчина перевел взгляд с кувшинок на нее. – Дополняете.

На блюде перед ним лежала очищенная четвертинка авокадо. Мужчина пододвинул тарелку к незнакомке:

– Вот, пожалуйста.

– Пфф. Не стоит.

Тонкая рука поставила блюдо обратно.

– Я все равно не буду, – толкает вперед, – наелся.

Чилийка, натянув улыбку:

– Кушай сам, – возвращает авокадо, – а то смотри какой худой!

Мужчина не думал уступать. Он повторил свой ход, гроссмейстерски, будто ведя в атаку ферзя.

Женщина прищурилась, ее спрессованные зрачки сверкнули. Резким взмахом она оттолкнула блюдо. Несчастный кусочек мякоти задрожал на фарфоровой поверхности.

Соперник опустил взгляд, капитулируя; и принялся сгребать ладонью в кучку хлебные крошки. Чилийка, закинув на плечо сползший платок, пронзила взглядом сержанта в углу. Ухмылка на лице военного сразу испарилась.

Закончив возиться с крошками, мужчина легонько подтолкнул тарелку вперед.

– Да что с тобой не так? – выкрикнула женщина. – Ешь сам!

Собеседник поднял взгляд:

– Говорю же, наелся. Раньше вокруг меня росли сотни деревьев авокадо, – он широко раскинул руки. – Плоды размером с кокос и такие сочные, что их по ночам с чавканьем жрали дикие собаки. А я фрукты с веток снимал, вот так, смотри!

Мужчина задвигал руками, жонглируя невидимыми шарами.

Женщина рассмеялась. Глаза ее потемнели.

– *Донде фуэ эсо*, где, – выдохнули пухлые губы, – где это было?

– Далеко, в авокадовом раю...

* * *

Теплые языки пламени выглядывают из глиняного ведра. Мягкая струя дыма поднимается вверх, рассасывается под потолком и выдувается наружу сквозь щели стен. Ливень барабанит по пальмовой крыше. Ветер танцует с дождем – сцепились и кружатся, путаясь в зарослях. Гром сотрясает бамбуковые стены. Страшно выглянуть наружу. А если выглянуть, то затем еще долго не обсохнуть, как от какого-нибудь прилипшего воспоминания. Поэтому в такую погоду сидишь внутри. Слушаешь шум тропического ливня и пузыри на поверхности луж. А из памяти долетают брызги того времени, когда в этой хижине жили мы вместе с Кру.

Дождь выключился как по щелчку. В возникшую тишину проникает стрекот цикад. Они всегда появляются первыми – вестники перемен. Затем в шумный оркестр насекомых вклинивается кваканье лягушек. С приходом дождливого сезона их развелось целое полчище.

Ливень оставляет после себя беспорядок и сломанные деревья. Поэтому каждый новый день начинается с уборки лагеря и чистки тропинок. Растительность напирает, окружая со всех сторон – то, что прорубил вчера, снова заросло, превратившись в непроходимую паутину.

Война с мышами отодвинулась на второй план. Долгое время те не давали покоя. Ловушки не помогали. А когда я подвешивал еду под потолок, грызуны жестоко мстили, обглаживая вещи и лямки рюкзака. Ушастые дикари! Так я и не нашел способа с ними совладать и смирился. Все равно запасы риса и сои истощились.

Зато появилось множество фруктов. Июньский дождь украсил ветви деревьев яркими гирляндами. Поспели манго и папайя, набухли фиолетовые шарики инжира. Тут и там повисли исполинские фугасы *джекфрута*. Глубже в зарослях, то и дело, натыкаешься на остролистный ананас, напоминающий дикобраза.

А авокадо, ох, зеленые и увесистые ядра – каждое с килограмм! Сорванные ветром плоды я складываю в хижине, им еще дозреть. Если же не собрать, оставив на земле, за ночь уже все – обглоданы до косточки сворой одичалых собак, что с высунутыми языками носятся по джунглям.

Неподалеку с хижиной раскинулись пышные деревья личи. Их ветки усыпаны пупырчатыми шариками размером с пинг-понг. Красная кожица легко вскрывается, и освежающая мякоть скользит виноградным ароматом по языку. И этих сладких шариков – как звезд. Так много, что ни в какой рюкзак не поместится.

Не успев отойти от дерева личи, замечаю шевеление в траве.

Замираю.

Гуляющий зигзагами ветер причесал узкие травинки и затих. Топаю ногой – из зеленой гущи с кваканьем выпрыгивает жирное тело.

Чертовы лягушки, никак не привыкнуть. Раньше их тут не было. Не сказать, что я их боюсь. Некоторые меня даже забавляют, особенно те, что с присосками и карабкаются по стволам. Но вот эти, которые прячутся в траве и целуются с тенями... Мерзкие твари – привлекают змей; подглядывают, трясут траву, заставляют всякий раз оборачиваться.

Если отбросить лягушек, все в лагере на своих местах. Сложно сказать сколько времени прошло, но достаточно, чтобы джунгли стали родным домом. В этой сказочной реальности времени нет, как и беспокойства. Некуда торопиться, гнаться, сломя голову. Счастье – здесь и сейчас, в полной доступности.

Джунгли живые, и когда начинаешь их чувствовать, все вокруг пропитывается волшебством: дышит, ласково шепчет на ухо, прикасается к коже. Нет больше нужды прятаться и прикрываться. Мы как двое подростков, замороженных собственной наготой!

* * *

В этот момент сбоку возник сержант, повесив паузу. Его рука потянулась к столу, шестинистое запястье вылезло из-под черного рукава. Крупные пальцы, сжимающие ручку термоса, с черепашьим спокойствием наполнили чашки. На плече военного блеснула золотая эмблема – шлем древнегреческого воина и надпись «Акилес». Закончив манипуляции с кипятком, сержант поставил на белую скатерть тарелку и удалился. В глубоком блюде лежал *манхар* – липкая масса наподобие вареной сгущенки.

Накручивая на палец тугую прядь волос, женщина страдальчески осмотрела стол, круглый и практически пустой: хлеб, чайные пакетики, *манхар* и растворимый кофе, гадко пахнущий безысходностью.

Она окинула взглядом небольшую комнату, с грубыми металлическими стенами и низким потолком. Вдохнула. Потянулась к авокадо и отсекла блестящим ножом кусочек. Сталь звонко ударила по фарфору.

– Ну же, продолжай, – сказала она, намазывая зеленый слой на хлеб.

* * *

Лучи солнца, падая по диагонали, расчертили темноту зарослей яркими полосами. Гладкие копыта бамбука взлетают высоко в небо. В воздухе блестят пылинки. Медленно покачиваясь, беспорядочный и косо насаженный бамбук издает то стоны, то суховатый скрип – как от натяжения канатов.

Сталь методично разъедает бамбуковую плоть. Мачете жадно вгрызается в ствол. Каждый удар сопровождается стуком, глухим и звонким. Несмотря на внутреннюю пустоту, бамбук – непримиримый соперник.

Взмах, новый взмах, на выдохе ударяю. Айяя! Гроздьями наливаются капельки пота. Взмах. Удар. Ищщ! К липкой коже слетаются пчелы. Вязнут слабыми кривыми ножками, пытаются взлететь, а никак. Жалят. Стряхиваю жужжащих инвалидов.

Что касается друзей, у меня их в джунглях достаточно. Возьмем, к примеру, того же Штурмовика. Мы видимся практически каждый день. Его можно узнать по резкому инопланетному стрекоту, когда он кружит в зарослях миниатюрным вертолетом. Иногда среди опавшей листвы я натываюсь на мертвого Штурмовика. Лежит на спине, подогнув шесть корявых лапок. Вот дурачина! Опять не рассчитал скорость и разбился о ствол. Погребаю несуразное жирное тело. И следующим днем, как ни в чем не бывало, натываюсь снова на живого.

Казалось бы, это не тот же самый Штурмовик, а очередной представитель своего рода. Но не все так просто – здешний мир полон загадочных явлений. Сознание рисует сцены и само участвует в магическом театре. Поэтому мертвый Штурмовик или живой – это не более, чем играемые роли. Сам же актер постоянен.

Слышится победный треск – ломаются кости динозавра. Бамбуковый ствол падает и, не достигнув земли, виснет в переплетении сородичей. Из полости ствола врассыпную хлынули муравьи. Бесчисленные черные точки пришли в хаотичное движение.

Муравьи – хозяйка джунглей. Их воспринимаешь не столько количеством, сколько давящей многотонной массой. Даже эти малыши – грозная сила. Их бесчисленные орды разрушают колонии жуков. Попадаются разные муравьи: и крупные, и круглые, и с удлинённой задницей – кусаются сильнее пчел.

Однажды, не помню каким бесом, занесло меня на территорию рыжих. Страшно вспомнить! Изверги не медля ринулись в атаку. Окружили со всех сторон, нападая как обезумевшие псы. И, готов поклясться, это не было бездумным навалом – их маневрами руководил некий интеллект. Ух, давно так не бегал – расшиб костяшки и пятки ободрал в кровь.

С тех пор обхожу рыжих муравьев за версту.

Двигаюсь вдоль упавшего бамбука, отсекая редкие сучки. Отлетают узкие листики. Стучу по стволу, вытряхивая остатки муравьев. Отлично! Мне таких стволов нужно еще два, чтобы укрепить хижину. Ташу добычу в лагерь.

В глазах странным образом темнеет, несмотря на самый разгар дня.
Ускоряю шаг.

В тело бьет озноб: хватает за плечи и трясет как копилку. Пот разъедает глаза, руки обмякли – бросаю бамбук. Быстрее, в лагерь!

Если не добраться до хижины, то пиши пропало – падай лицом вниз и подбери под бока ладони. Не имеет значения, умер ты или просто в отключке. За ночь неизвестно какая тварь может тебя обнаружить.

Опускается свинцовый туман, тяжестью давит на спину. Шаг, еще мучительный шаг. Ноги немеют, словно скованы цепью. Ну же, ты справишься!

А если не доберешься, помни – лицом вниз. Те же собаки не брезгают падалью и бегают быстрее птиц. Взрослое тело джунгли переварят за два-три дня, а ошметки разнесут муравьи. Если лежишь на спине, лицом вверх, то зверью проще и быстрее тебя обглодать.

Может, оно и к лучшему, когда быстрее. Чтобы не разлагаться на солнце червивым фаршем. Хотя мертвому, какая уж разница.

Но что, если ты обездвижен и с остатками сознания? Представь этот момент, когда над твоим лицом склонится вонючая пасть с капающими слюнями. И примется обглаживать губы, затем нос на десерт. А ты ведь еще в сознании. Молишься, чтоб скорее уже эта гадина напала на горло и выгрызла адамово яблоко, как они это делают по ночам с авокадо. Жаждешь захлебнуться собственной кровью и обрести долгожданный покой.

Брось, ты выкарабкаешься! Что ж тебя так подкосило, неужели укусил паук? Может, ядовитое растение или пчелы? Добраться бы до хижины.

Песья морда, скорее всего, глаза не выест, но их первым делом выключают птицы, если доберутся раньше собак. Так что лучше собаки. И лишь бы не забыли про кадык. Тогда уже пусть резвятся в свое удовольствие: рвут живот, выдергивают кишки, пробираясь к самому лакомому. Рычат, дерутся меж собой, перетягивая скользкий канат с венами, покуда не вспомнят о печени или легких; и бросят кровавую кишку висеть запутанную в ветках чайного куста.

Помни, кисти рук под себя, пальцы оберегать до последнего. Если с кадыком не свезет, то сделать решающее усилие – подтянуть к себе мачете. Без пальцев-то как? И надавить венами, прокатиться горлом по лезвию.

Вот, наконец-то хижина! Осталось чуть-чуть.

Ноги липнут. Вязнут в жиже, словно пчелиные. Гребу руками. Болото засасывает, проглотило уже по самую грудь. Доносится кваканье лягушек. Стараюсь расслышать цикад, но их нет! Жижа твердеет, цементируя конечности – не пошевелиться.

Перед глазами появляется огромная лягушка. Противная. Самая гадкая из всех. Шея, покрытая язвами, выпячивается и сдувается. По склизкой коже перетекают черные узоры. Разум туманится. Грудь разъедает изнутри.

Проклятая жаба запрыгивает на макушку. Глаза окончательно уходят под землю. Лицо немеет, покрывшись твердой чешуей. Кричу, но рот забит корнями и торфом.

Давящая невесомость. Удушье.

В аспидной черноте висят звезды – наклеены на школьную доску. Дует ветер, и звезды тихонько покачиваются. Разбалтываются и отпадают, одна за одной. Блестящими перышками сыпятся из бездны. Тишина падающего снега. Ловлю ртом, на вкус – снежинки. Стою, словно ящерица, прибывая языком ледяных мух.

Чувствую приветливый луч смеха. Оборачиваюсь. Кто-то тянется ко мне: размытый силуэт, наполненный светом. Сияющий женский образ – такой родной, любящий, материн-

ский. Пытаюсь дотянуться, всеми силами дотянуться. Не выдерживаю нахлынувшую печаль и плачу.

Трясущееся веко поднимается. Перед глазами рваная цинковка. Струи света, просочившись сквозь стену, набросали на грубый пол белые пятна. Свет падает на лицо. Поднимаю растопыренную пятерню, загораясь. На кончики пальцев ложатся пылинки.

Кое-как дотягиваюсь до фляги, и жадно глотаю теплую воду. Собираюсь с силами, выползаю из хижины.

Солнце катится за соседнюю гору, знаменуя окончание неизвестно какого дня. Глубоко вдыхаю запахи, вдыхаю шелест деревьев и магию оранжевого неба. Вслушиваюсь в сумрак зарослей. Кусаю ветер – тот весело побежал, запутавшись в ветках; сорвал сухой лист папайи и скрылся за склоном.

Развожу огонь, кипячу чай.

Осматриваю правую лодыжку: раздута, но здоровый цвет возвращается. На внешней стороне голени две затянувшиеся багровые точки, в сантиметре друг от друга – змеиная отметина.

Темнота сгустилась, будто в воздух насыпали заварку.

Шумят насекомые. То там, то сям повизгивают птицы.

В чайном воздухе вспыхивают огоньки, заполняя пространство перед хижинкой магическим мерцанием. Мне никогда не доводилось видеть светлячков, но я в точности знал, что подобная сцена уже происходила. Неизвестно где, с кем и когда. Каждая клеточка во мне понимала это.

Желтым персиком набухла луна. Волнисто отражается в бамбуковой чашке, согревающей ладони.

Осторожно касаюсь губами, целую луну. Глубоко и смачно вдыхаю. Во рту горячо и свежо, на языке подрагивает единственное слово: «Благодарю».

Долго-долго я сидел на пороге хижины, среди толпы светлячков.

Затем собрал вещи и до рассвета отправился в путь. Изъеденные мышами лямки рюкзака легкой тяжестью давили на плечи.

ПРОШЛОЕ

Мне не вспомнить кувшинки на поверхности пруда, может, их не было. Но отчетливо помню повсюду ту болотную тину.

В воздухе мерцал пух. Неспешно сыпался с деревьев, переливаясь на жарком солнце. Падающий пух покрывал тонким слоем полоску берега и длинные спины крокодилов, залезая в их открытые пасти. Из-за пуха берег казался обледеневшим.

Кладу ладонь на грубую кожу. Ташу онемевшие пальцы вдоль спины, по шершавым зазубринам, растянувшимся горным хребтом. Мимо чешуйчатой задней лапы. Вот уже и бочковидная шея, из которой клином расходится волнистая пасть. Крокодил лежит, сощурился, будто пухленький китайский ребенок.

Подул легкий ветерок, и деревья зашелестели. Посыпались сухие листья. Пролетела, каркая, ворона. Быстрая тень птицы скользнула по спящей морде. Вдруг.

Веки открылись, сдвинулась мутная пленка глаза. Набух яркий желток с черной прорезью. Жуткая тварь ожила.

Кх-рх-кх-р-х.

Оторвав взгляд от картины, мужчина взглянул на сержанта. Тот со скрипом двигал стулья, закрепляя их петлями к стене – на случай шторма. Стулья повиновались беспомощно, напоминая овец для жертвоприношения.

– Так это, получается, тебя ужалила змея? – сказала женщина.

– Да... и нет, – мужчина осторожно взглянул на военного, затем наклонился вперед. – Змеи просто так не жалят.

– Тогда что, если не змея?

– Что-то еще.

– Не понимаю, что еще?

– Не важно. Всегда есть что-то еще.

Чилийка откинулась на спинку стула, скрестив руки.

– У каждого в жизни происходит свой укус, – сказал мужчина. – Когда понимаешь, что не можешь больше жить, как прежде – невозможно! Ты либо умираешь, либо встаешь на новый путь. При этом ты в обоих случаях умираешь, ясно?

Кх-рх-кх-р-х.

Закончив со стульями, сержант встал в темноту угла. Стрелка на часах медленно-медленно пересекла очередную отметку. В статической обстановке воздух потрескивает. Сквозь металлические балки и сварочные швы волнами бежит вибрация.

Женщина, освещаемая тусклой лампой:

– Как-то не по себе, – поднимает взгляд на давящий потолок, – будто мы заперты в тюрьме.

– Наш ум, вот настоящая тюрьма. Так говорит Кру.

Мужчина отпил из чашки, продолжив:

– Чистое сознание не ограничить стенами. Даже такими прочными, как эти.

- А что если оно нечистое, сознание?
- Тогда мы действительно в клетке.
- Взяв салфетку, он вытер уголок губ.
- Да кто это, – спросила женщина, – Кру?
- Забудь, – быстро скомкав бумажку.

Оба замолчали, допивая остывающий чай.

* * *

Мы познакомились с Кру, когда я скитался по грязным улицам Бангкока. Та встреча на мосту перевернула все, подарив спасительную надежду.

В сущности, Кру не является именем, и дословно обозначает «мастер». Внешность Кру не укладывается в представление о том, как должен выглядеть гуру: мотоциклетный шлем, мороженое в руке и юное лицо. Личность Кру моментально очаровала меня.

Вместе мы отправились в горы. Долгое время пробирались сквозь джунгли, огибая кудрявые склоны и острые бивни обрывов, пока не встретили скривившуюся хижину. Заросли сожрали и наполовину переварили бамбуковую лачугу. Внутри обжились мохнатые пауки, развесив липкие прозрачные тюли.

Хижина опиралась на столбы, застыв горбатой многоножкой. В дюжине шагов от задней стены располагался небольшой утес, а дальше склон нырял резко в пропасть, открывая вид на шершавые горы, зелеными волнами убегающие к горизонту. Небольшой пятачок вокруг хижины казался горизонтальным, но стоило приглядеться, дух перехватило от осознания, что это – лишь точка на гигантской кривой. А мы – два муравья, букашки, ползающие по исполинской волосатой спине.

Четыре полных дня взмахами мачете мы высекали из зеленой бесформенности четкие очертания, пробивали тропинки. Укрепили хижину свежим бамбуком и веревками.

Мышцы налились пульсирующей болью, на плечах повисли чугунные доспехи. Ноги ныли от постоянного движения вверх-вниз.

Я с трудом поспевал за темпом Кру. Несмотря на маленький рост и габариты, Кру демонстрирует выносливость слона: будто невидимая сила управляет каждым совершенным взмахом.

Ночью на горы опускается морозное дыхание. Тягучий воздух обжигает легкие, вызывая кашель. Холод проникает в спальный мешок, ложится рядом, притворно и гадко, как склизкая рептилия. С приходом темноты джунгли меняются: сбрасывают дряхлую кожу, превращаясь в какую-то жуть. Отовсюду доносятся шорохи. Ветер разъяренной макакой прыгает со склона на склон, срывая ветки и листья. Орут насекомые и птицы, разбросанные по камерам пыток. А отдельные звуки, механические и барабанные – не с этой планеты! Разум не в силах объяснить их природу, подолгу лежу с открытыми глазами. Чувство, что тебя, совершенно нормального, заперли в психушке.

Тяжело осознать, в какой реальности я оказался. Изю дня в день захлебываюсь в болоте переживаний. Сны настолько живые, что просыпаюсь со слезами. Дрожа, выбираюсь

из хижины, облитый, насквозь испачканный воспоминаниями. После чашки крепкого чая эмоциональный озноб высыхает, но что-то неизлечимое продолжает зудеть весь остаток дня.

Интенсивность снов я связывал с отсутствием электричества и магнитного излучения. Затем стало ясно, что само место здесь кишит пугающими явлениями. Поэтому я бросил попытки что-либо объяснить, ведь джунгли не взаимодействуют на языке логики.

Кру говорит, что джунгли – это лужа, в которую я встал, вызвав возмущение. Потребуется время, чтобы отражение пришло в соответствие. Это место примет, но только через принятие самого себя.

Я безоговорочно доверял Кру, следуя указаниям очень добросовестно – сомнений не возникало. Как и у Кру никогда не было сомнений в своем учителе, который передавал знания подобным образом, у этой же хижины.

Утро начиналось с уборки лагеря от ржавеющих листьев. Просто невообразимо, какое количество листвы опадает за сутки. Несколько дней, и на земле стелется пышный оранжевый ковер, под которым прячутся скорпионы. В земле, в норах и под валунами обитают тысяче-ножки. Привычка не поднимать бесхозные камни и ветки вырабатывается очень быстро.

Первые недели я ходил в сапогах, старательно всматриваясь под ноги. Но позже понял, что пытаюсь разглядеть опасность, делаю только хуже. В сумерках всегда прячется что-то, шевелятся и сгущаются тени. А кусок лианы – разве отличишь от змеи? Воображение всякий раз играло злую шутку, оживляя худшие страхи. Пришлось признать, что самым опасным существом здесь являюсь я сам.

Кру говорит, что доверие к миру начинается с доверия к себе. Теперь вот хожу босиком, и будь, что будет. Кроме того, не приходится вытряхивать обувь по утрам, проверяя, чтобы внутри не затаился тарантул. В джунглях ведь – чем проще, тем лучше. Чем меньше держишь вещей в голове, тем безопаснее.

Сны обрушились камнепадом, пробудив ударами в грудь. Приподнимаюсь, глотая воздух, вслушиваюсь в черноту ночи. Резкие порывы ветра несутся вдоль обрыва. С высоких деревьев сыпятся сухие листья, постукивая по стенам, словно коготками.

Сквозь шелест листьев послышались шаги. Кто-то бродил у хижины, приближаясь, всматриваясь в щели. И это точно не заблудшая собака, а что-то другое. Голодное, упрямо ищущее проем, чтобы просочиться внутрь.

Вздрагиваю от хруста ветки, затяжного, будто выдирают зуб. Поворачиваю голову вслед за мелькнувшей тенью. Существо замерло в тот же миг, как мои глаза устремились к нему.

На секунду появилась бредовая, но способная объяснить все мысль. Наверное, это Кру! Бродит тайком, испытывая меня. Но я так и не решился повернуть голову, чтобы убедиться, что Кру спит на своем месте.

Мысли лопнули от скрипа входной ступеньки. Что-то грузное заползло на ступеньку и надавило на дверь; до треска, пробежавшего током сквозь сухожилия.

Все снаружи затихло, и даже ветер.

Какое-то время ничего не происходило, но я чувствовал, нескончаемо долго, как что-то нечеловеческое смотрит на меня. Затем оно удалилось, оставив душу покрытую инеем.

Последующие дни меня не покидала мысль о побеге. Не проходило и часа, чтобы я не планировал удрать. Но всякий раз приходил к выводу, что не смогу предать Кру. Разве бросают того, кто поверил в тебя? Кроме того, спастись-то некуда – джунгли и были местом, куда я убежал.

Давление прошлого испытывает тот, кто слишком серьезно себя воспринимает. Фразы Кру были окутаны дымкой и с трудом влезали в мою треугольную голову. Между тем, внутренний посыл всегда чувствовался, вдохновляя меня.

Время от времени я задавался вопросом, что привело меня в этот ад.

Еще недавно я стоял на маленькой, но оживленной улице Бангкока. Смотрел с моста на коричневую воду, дурно пахнущую, и, наверняка, полную пиявок. Вдоль берега скопился слой мусора. В душе сосало – я был обескровлен и мертв.

Вдруг из воды вынырнула узкая чешуйчатая морда. Она двинулась к берегу, при этом тела не было видно, и казалось, что морда плавает сама по себе. Вскоре на сушу выползло хвостатое существо, перебирая мокрыми лапами. Размером оно было с крокодила, только шея узкая, а морда вытянутая, как у муравьеда. Рептилия повернула голову боком, глядя на меня одним глазом. Из закрытой пасти выскользнул узкий язык – черный и раздвоенный на конце. Стало не по себе. Я перегнулся через перила, и меня стошнило. Воздуха не хватало. Слезы обволокли глаза, а из открытого рта тянулись слюни.

В этот момент тонкая рука протянула салфетку. Подняв глаза, я увидел размытый силуэт в белом.

– В тебе плачет маленький мальчик, – послышался голос.

Я разозлился и не взял салфетку. Между тем, слова про мальчика затронули что-то внутри меня.

– Я потерял все, – говорю.

– Еще нет, – прозвучал ответ. – Ведь ты по-прежнему цепляешься за что-то.

Мне захотелось возразить, но язык не слушался. Окончательно расклеившись, я мямлил словно беззубый. Пока снова не поймал на себе тот глубокий взгляд – азиатские глаза терпеливо изучали дурачка-иностранца. Мне стало стыдно за свое поведение, я выхватил салфетку и отвернулся, судорожно обтирая горящие щеки.

– Ты запутан, – мягко коснувшись моего плеча. – Тебя надо распутать.

Я стоял, не решаясь повернуться, уставившись на мутную жижу цвета гнилой древесины.

– Помоги, – сказал я, не в состоянии поверить, что произношу это.

Ящерица на другом берегу рванулась с места и, заскользив брюхом, скрылась в воде. Тогда я еще не знал, что в канавах и канализации Бангкока обитают сотни гигантских варанов.

* * *

Стою на полусогнутой ноге, замер в неестественной позе, словно цапля. Центр тяжести как можно ниже, спина прямая. Занимаю оборонительную стойку, колено и локти в воздухе: становишься острый и опасный, как ананас. Перепрыгиваю с одной ноги на другую. Разворот.

Гравитация возросла в десятки раз. Мускулы, сведенные судорогой, не выдерживают. Когда нога непроизвольно опускается, Кру ударяет бамбуковой тростью, чтобы я занял правильную стойку. Приходится терпеть изо всех сил.

Мы оттачиваем шестнадцать базовых движений, снова и снова, день за днем. Повторяем до бесконечности, пока солнце не скроется за угол соседнего склона. Утром все начинается снова.

В основе тренировок лежит древнее боевое искусство *муай чайя*, но не ограничивается только *муай чайя*, задействуя другие техники: тайский бокс, вин-чунь, тайчи, ментальную тренировку и медитации.¹

Сначала я запаниковал.

Меня бросило в дрожь, как перепуганную псину.

– Для чего? – пожимаю плечами. – У меня нет навыков, я не гожусь для боевых искусств!

Хожу взад-вперед, непонимающе трясую головой.

– Ну какой смысл мне, воспитанному человеку, использовать кулаки, – развожу руками. – Глупость какая!

Кру утвердительно кивает.

– Между прочим, я университет закончил.

Стою, взъерошивая руками волосы.

– Мы не животные, чтобы драться. Конфликты нужно решать дипломатически!

Кру внимательно слушает.

Запыхавшись, стою в ожидании контр-аргументов. Но вместо доводов последовал хлесткий подзатыльник. В недоумении глотаю куски воздуха.

– Вижу, что навыков нет, – прозвучал строгий голос, – зато у тебя есть самое главное качество воина.

Палец Кру с силой ткнул в мою грудь, туда, где находится сердце.

После этого мне пришлось побрить голову. В результате чего я сделался похожим на босоногого буддийского монаха. Вращенный годами образ успешного мужчины, бизнесмена, за несколько минут соскребло лезвие бритвы. Помимо обнуления личности, пришлось принять ряд ограничений: отказаться от мяса, отсечь сексуальные инстинкты и все лишнее, что отвлекает разум, развлекает, рассеивает фокус.

¹ Муай чайя – боевой стиль с юга Таиланда, созданный путешествовавшим монахом. Говорят, монах помог местным жителям усмирить расклевывавшего слона. Техника позволяет круто отбиваться от атак, а потом сокрушить противника контр-выпадом. Стойка низкая, колени согнуты даже при атаке. Одна нога почти всегда в воздухе. Но не думай, что это только про раздавание люлей, большую часть времени ты медитируешь, либо стоишь истуканом на полусогнутой ноге.

Раз за разом мне напоминали, что я здесь не для того, чтобы впитывать знания, а чтобы от них отказаться. Содрать без жалости, слой за слоем, всю шелуху, понятие за понятием, мысль за мыслью, пока не доберусь до сути – истинного Я. А затем и его выбросить на помойку.

Кру говорит, что в этом заключается настоящая свобода – возможность стать никем. Ибо являясь кем-то, мы всегда обречены на страдания.

Голова кругом, я не узнаю себя в зеркале – этого лысого крысеныша. Становится не по себе от осознания, что все это происходит на самом деле. Скручивает сверлом кишки, а-а-а!

Хотя знаешь, уже не важно. Что дальше скажет Кру? Разбить черепом кокос или сесть на шпагат – да тьфу! Хоть задницей пилить бамбук! Отчаявшийся человек – тысячу раз уже мертвый, он подойдет и самой смерти плюнет в склизкую рожу.

Как и в тайском боксе, *муай чайя* задействует четыре вида оружия: кулак, локоть, колено, нога. Каждое имеет свои преимущества и особенности. В зависимости от длины оружия, меняются стойка и расстояние между ступнями. На каждое оружие мы изучили шесть ударов и блоков, день за днем доводя их до автоматизма.

Во всем прослеживалась четкая геометрия. Стойка представляет из себя устойчивую конструкцию, собранную из воображаемых треугольников. Контр-выпады начинаются с шага под углом в сорок пять градусов. Каждый удар использует энергию противника и импульс вращения.

Тактика ведения боя на одной ноге обеспечивает эффективную оборону. Она ломает ритм битвы и приводит противника в замешательство. Как это работает? Представь, что на тебя кидается хохочущая собака. В таком случае тебя сокрушит не собака, а собственный страх.

Поэтому так необходимо формировать сильное сознание.

Конечно, многое у меня не получалось. Например, держать глаза открытыми при встречном ударе. Рефлекс, с которым ничего не поделаешь – всякий раз я зажмуривался, и все внутри сжималось.

В какой-то момент Кру пришлось остановить тренировку:

– Тебе нужно кое-что понять о природе боли, – взяв меня за щеки и глядя в упор. – Это лучший учитель, не закрывайся. Разреши себе принять боль и обозреть. Затем на мягком выдохе отпусти.

Раздался свист бамбуковой трости, и живот обожгло. Я согнулся пополам, но, скорее, от неожиданности, чем от силы удара.

– Расслабься, обозреть... – повторил голос, – на выдохе произносишь: «спасибо».

Последовал хлесткий удар.

– Спасибо, – скромно обронил я.

– Не слышу!

Снова свист трости, разрезающей воздух.

– Спасибо!

– Не забываем улыбаться.

Еще удар.

- Спасибо! – натягиваю улыбку.
- Смотри в глаза противнику.
- И снова обжигающий удар.
- Спасибо!!

После сотни повторений это истязание закончилось. Живот горел, покрытый красными полосами.

Тогда мягкий голос Кру прошептал на ухо:

– Точно также и с твоей внутренней болью. Открой глаза. Возьми свой урок и отпусти с благодарностью.

Больше мы не сказали ничего друг другу.

Целые недели проходили в молчании. Общение потеряло смысл, ведь каждый знал расписание и что полагается делать. Никогда бы не подумал, что истинное понимание основано на отсутствии слов.

В четвертую полную луну мы распрощались, в тишине. Все было понятно без разговоров. Ученик должен в какой-то момент отделиться от учителя. Подняться и идти собственным путем. Теперь, благодаря Кру, у меня появилось самое необходимое – вера в себя.

Сердце наполнилось грустью, смешанной с теплом и любовью. Нас связывало гораздо большее, нежели обучение и тренировки. Больше, чем любая дружба. Тогда я еще не знал, что умею плакать, иначе бы обязательно заплакал.

Я смотрел на удаляющийся женский силуэт в белом, пока джунгли окончательно не растворили Кру. И долго-долго после этого продолжал смотреть, ни о чем не думая.

* * *

– *Эсперате*, погодь, – чилийка коснулась его руки, – так Кру, что ли, женщина?
Мужчина, допив чай, отставил пустую чашку в сторону.

* * *

Климат сменился на жаркий, духота нарастает. Я переместился спать наружу, под навес. Действовал, скорее, интуитивно, чувствуя настроение джунглей и в каком темпе они живут. Теперь я ночевал на открытом воздухе и дышал вместе с ними.

По вечерам ходил в сумерках с ведром, утоляя жажду фруктовых деревьев. Оказывается, на ветках личи поселилось семейство зеленых змей. Совсем под боком.

У меня нет проблем с новыми соседями. Змеи умные. Чувствуют присутствие человека и держат дистанцию. Я тоже их не беспокою. Так мы и уживаемся мирно, спим в десяти метрах друг от друга. Змеи и я все понимаем.

Утром возобновляю тренировку. Начинаю с медитации, которая заключается в том, чтобы замедлиться до скорости улитки. Тогда начинаешь видеть мир по-другому, замечать гораздо больше. И чувствовать.

Ме-е-едленно переносу центр тяжести, совершая примерно пару шагов за пятьдесят ударов пульса. Блики рассыпаются алмазами по листикам. Запах зелени. По щекам бежит ветерок, теребя растительность над губой; всосавшись в ноздри, щекочет прохладой. Кончик носа

чешется. Босые ноги мнут густой травяной ковер. Камушек впивается в пятку, и колено трясется. Удерживаю баланс. Вокруг вьются москиты – шайка настырных гиен – постукивают по спине, жаждут свалить с ног. Сохраняю равновесие. Замираю на одной ноге. Продолжаю ползти.

Стало ясно, что учение Кру выходит за рамки боевого искусства. Это состояние разума, когда прекращаешь думание и отцепляешься от физического. Получается, все эти месяцы мы тренировали не боевые техники, а привычку находиться в потоке.

Сны сбавили обороты, и поменялся их характер. Все реже я умирал, реже приходилось бежать без оглядки. Я понял: чтобы прошлое перестало терзать, нужно его перерастить. Не цепляться за старого себя, а преобразиться в качественно новую личность. Тогда прошлое останется с тем, прежним тобой, и будет мучить его, а не тебя.

Моя вчерашняя версия исчезала, здесь и сейчас писалась новая история.

Однажды, когда на лагерь пала тьма, джунгли проявили внешнее беспокойство: птицы кричали тревожней обычного, и в воздухе зрело напряжение. Затем я увидел, как вспыхнула верхушка соседней горы. Вязкий огонь полз вниз, напоминая извержение вулкана. Пожар двинулся в сторону лагеря.

Собрав запасы воды, я замуровался в хижине. Законопатил окна и крупные щели, опасаясь вовсе не огня, а хаоса, который тот предвещает. Не было сомнений, что через лагерь, спасаясь, хлынет всякая живность.

Смочив кусок тряпки, обматываю его вокруг головы, как туарег. Закрываю глаза. Дышу через мокрую ткань. Жду. Сквозь стены проникают струйки ядовитого дыма. Джунгли оцепенели, все вокруг затихло. Кроме зловещего треска голодной пасти. Ветра нет – видимо, тоже испугался. Духота и тяжесть. Впервые с момента расставания с Кру, я по-настоящему ощутил, что остался один.

Утром вдоль хижины проплывают кислотные клочки облаков. Поднимаются откуда-то снизу, с подножия горы. Воздух сушит ноздри, царапает глаза. Тишина сдавливает уши.

Парит.

В рассеянном мутном сиянии не осталось даже теней. Сверху, из дымчатой невесомости, падают черные хлопья. Пепельный снегопад неспешно укрывает землю мертвыми ошметками.

Долго-долго лежу в хижине на полу, напеваю под нос примитивные звуки, напоминающие скрип ржавых качелей. Что это, марш свадебный или похоронный?..

Зеваю. Погружаюсь в дремоту...

В сознании проносятся картинки, черно-белая карусель фотографий из прошлого. Мне захотелось найти лицо Кру, я попытался выловить его из бурного потока, но тщетно. Лица мелькали быстро и запутанно: сменялись портреты, разбивались на тысячи пристальных взглядов. И все они выражали мучительную холодную глубину. Да, чередовались люди, перестраивались формы и декорации, но все это маски. Сущность, что примеряла их, была одна.

Тело вздрогнуло от ледящего чувства. Что-то вцепилось в мою правую лодыжку и с силой потащило с циновки. Хватаюсь ногтями за пол, отбиваюсь, кричу. Вскокиваю, запутавшись в москитной сетке.

Сковывает движения, ногу перепутало, я упал. Голень цементирует, будто обвился питон. Дыхание сдавило. Нечеловеческим рывком выдираю ступню из капкана. Поднимаюсь. Прыгаю на одной ноге. Рву москитную сетку. Ударяюсь плечом в стену – громкий треск бамбука и суставов. Тело переваливается через дырку и мешком падает наружу.

Ветер вернулся и принес порцию воздуха. Дымка рассеивается. В хижину ни за что не вернусь!

Сижу, сторбившись, под навесом. Запихиваю в рот противные комки риса. Костер хрустит. Чай греется, отказываясь закипать. В языках пламени корчатся коряги – торчат змеиными мумиями.

Однажды мы сидели с Кру у костра. Огонь разбавлял тишину треском поленьев.
– Как мне победить демона? – спросил я.

Из уст Кру слово «демон» произносилось однажды, в контексте терзающего меня прошлого. Затем мы всегда говорили о «прошлом». При этом непонятно, было прошлое синонимом демона или обозначало то, что обозначает. Так или иначе, Кру говорит, что ни демон, ни прошлое не являются тем, чем являются – это лишь слова. А словами мы только искажаем суть.

Последовало долгое молчание. В конце концов я задумался, созерцая огонь, обгладывающий черные кости.

Вдруг тишину пронзил голос:

- Демона не победить, но можно с ним примириться.
- Не понимаю, – глядя сквозь пламя. – Как?
- Представь собаку, что кружится на месте, преследуя собственный хвост.

Промелькнула тень, и что-то тяжелое ударило в правое плечо. Показалось, что с дерева свалился кусок коры. Вскочив, я принялся отмахиваться. Тарелка упала, подпрыгнула. Рис рассыпался по земле белыми личинками. Я моментально занял оборонительную стойку – на одной ноге.

Тень забежала быстро и хаотично. Подвижные звенья сокращаются, подталкиваемые сотней быстрых ножек. На глянцевой поверхности отражаются блики. В горло забились страх, сухость, вата и омерзение. В животе сосет, словно проглотил пиявку.

Виляющая кишка бьется в несвойственном для живого ритме. Сколопендра в четверть метра кидается на меня. Бежит, будто слепая, по рваной траектории! С воплем пинаю ее. Увесистая тварь отлетает в сторону, перевернувшись на спину. Взбалтывает воздух тысячей ножек, дергается, пытаясь занять привычное положение, и ей это удается.

В тот же миг, ни секунды не думая, я бросился в темноту и со всей дури проткнул рыжее тело. Пригвожденная вилкой, сороконожка бьется в конвульсиях. Две ее половинки обрели независимость. Более длинная часть встает вертикально, другая тянет вбок, стараясь оторваться от другой части себя.

Впиваюсь ногтями в камень и, упав на колени, с криками колочу по земле. Бью. Еще. Вилка согнулась, утонула в землю, разрубив сороконожку. Части тела рвутся под глухими ударами, плющатся, но продолжают сокращаться. Луплю без остановки, руки взлетают в воздух, вверх-вниз, мелькают перед глазами.

От сколопендры не осталось и следа.

Шатаюсь, я пошел за хижину, сел на камни и шесть дней сохранял неподвижность и молчание.

ЛЮБОВЬ

Стол задрезжал, по нему бегают вибрация. Будто за металлической стеной, поднимая пыль, пронесется стадо бизонов. Вибрация и раньше присутствовала, все время скрываясь в стенах, но сейчас обнагела – отделилась и поскакала по помещению.

Стол наклонился, и предметы, чашки, сахарница, *манхар* пришли в движение, заскользив вниз по скатерти. Пришлось выставить руки, чтобы все к чертям не повалилось в обрыв.

Подошел военный:

– *Пермисо!* Разрешите!

И быстро расчистил стол. Скатерть тоже забрал.

Новые толчки.

Дыхание схватывает, похлеще чем на аттракционе.

– Прямо как в Сантьяго, – обронила женщина.

– Что там?

– Землетрясение.

Военный сухо попрощался и покинул комнату.

– *Чао*, – ответили они в один голос.

Помещение резко накренилось, словно корабль вошел в затяжной поворот. Женщина испуганно посмотрела на мужчину. Попыталась что-то сказать, но ее губы выдали лишь вздох. Услышав стук за спиной, она обернулась. Картина с кувшинками громко билась о стену, толкаемая невидимой рукой.

Под потолком зашипел громкоговоритель. На фоне шума плевками звучали коды и инструкции.

Затем снова шипение – как потерянная радиостанция.

Как пальцы дождя, барабнящие по банановым листьям.

* * *

Я спустился с гор, оказавшись в ближайшем городке Чианг Дао. Поправил изъеденные ламки рюкзака. Охватил взором окрестности. Утро наполнило легкие свежестью и прохладой. Неподалеку выросла величественная гора, окутанная туманом. Ее подножие пересекала петляющая звонкая речушка. Тут же располагались горячие источники, от которых поднимался пар.

Бородатое лицо застыло безмолвным отражением в воде. Растительность продавила щеки и свисает спиральками. Два глаза, необычно яркие, светятся голубым, как застывшие озера...

Кто я теперь?

Почерневшие пальцы попытались дотронуться до отражения, но нарушили спокойствие воды.

Погружаюсь голый в горячую воду, отдающую яичным запахом. Жар обволакивает, кожа мокнет хлебным мякишем. Боли больше нет – ни внутренней, ни физической. Боль широко

открывает глаза, сдирает старую кожу, покрытую пятнами сомнений и крошками проблем. Обновленный и отрезвленный, делаю глубокий вдох. Я все еще жив!

Набросав на влажную землю настил из пальмовых листьев, я провел остаток утра на берегу реки. Журчание подхватило сознание и унесло легким перышком. И сидел бы я так целую вечность...

– Будешь салат из папайи?

Мягкий голос привлек мое внимание. Поворачиваю голову. Рядом сидит силуэт, обведенный лучами солнца. Еле уловимый, светящийся ангел. Пытаюсь сфокусироваться, но глаза, как сломанный объектив, не могут слепить четкий образ.

Вот! Удалось разглядеть улыбку. Ожила как бабочка, севшая на лепесток лотоса. Ровный ряд жемчужных зубов. Блики солнца подсветили персиковую кожу. Такой нежный, ренуаровский образ. Небрежно упавшая на левый глаз челка.

Смотрит, изучает с любопытством, как необычного зверька.
Ну и зрачки! Два бездонных, утягивающих за собой водоворота.

Забираю у ангела картонную тарелку, кладу в рот щепотку струганной папайи. Девушка протягивает палочки для еды. Отмахиваюсь – пальцами вкуснее!

Свежесть зеленых стружек целует язык... Погоди-погоди. Что-то нарастает, тычет в язык, уже совсем рядом. Сквозь ноздри пробегает жгучая лавина, пронзающая остротой. Выдыхаю, еще раз выдыхаю. Кашляю. Корчу гримасу, по щекам текут слезы. Ух, уже успел позабыть остроту местной кухни.

Тайка звонко смеется.
Тянется, проводит ладонью по щеке, приглаживая упругий мох.
– Я знала, что ты сегодня придешь.
Осторожно и нежно трогает скулы, как бы убеждаясь, что я настоящий.

Падает, вцепляется в меня крепко-крепко, обнимая.
Упирается холодным носом в загорелую шею.
– Вик, ты... нет слов...
Она часто-часто вдыхала, ее слова наполнились легкостью и пробелами, добавив мармеладной сладости азиатскому акценту.
– Как же я счастлива тебя видеть!

Солнце неторопливо перевалилось за полдень и спряталось за слипшимися тучами. Ливень обрушился плотной стеной. Мы бежали по улице босиком, держась за руки. Прыгали по лужам, промокшие, не в силах сдержать приступы смеха. Бежали по главной улице, рассекающей пополам двухэтажный город от заправки до рынка, пока нас не остановил единственный светофор. От горячего асфальта поднимается щекочущий жар. Дождь испачкал все вокруг, включая двух ликующих дурачков, мутной рябью. Очертания размылись. Автомобили проплывают кораблями, медленно-медленно, моргая фарами. Мир сделался ливнем.

Ангел стоит в водовороте огней и бликов. Оглядывается по сторонам с восторгом ребенка. Мокрую текстуру блузки измазал зеленцой неоновый язык. Помутневшая юбка облепила линию узких бедер. Блестящие капли падают с кончиков волос, заставляя дрожать тонкие плечи.

Встаю вплотную, прижав горячую ладонь к упругой талии. Наблюдаю. Взгляд девушки смущенно падает на мокрый асфальт. Поднимаю милое личико за тонкий подбородок. Зрачки, набухшие до безумия, пульсируют чернотой. Веки подрагивают. Не пойму, эти глаза мокрые от дождя или плачут.

Да, она преобразилась, куда сильнее меня. Помню ее иной, совсем другой: твердой, строгой. От прежнего образа не осталось и следа – смыло блестящими каплями дождя. Сейчас передо мной стоит девушка, невообразимая, красивейшая из всех!

Смотрю и не утолить эту жажду, не хватает дыхания. Сжимаю ангела в согревающем объятии, чувствую пьянящий запах дождя в волосах. Пью соленые капли с мокрых губ – они слаще инжира.

* * *

Дом, где живет Кру, находится у подножия горы. Туда ведет дорога, петляющая меж толстых стволов деревьев. Таких массивных и старых, что кора покрылась мхом, а ветви сомкнулись, закрывая небо. Едешь будто по зеленому туннелю. Сижусь зади, задрал голову, любясь дырявым потолком. Пахнет древесиной и сыростью. Держусь руками за женскую талию, чуть выше бедер. Ее тело дрожит. Едем мы не быстрее тридцати, и все равно складки свинцовой одежды холодят, руки покрылись гусиной кожей.

На блестящем асфальте раскиданы сухие ветки, мокрые от дождя. Яркими пятнами налипли листья. Черная полоса, желто-оранжевая по бокам, обвивает стволы в самую придорожку. Обочины просто нет. Несколько гигантских стволов даже подпилили, сделав выемку – чтобы проезжали грузовики. За одним из таких стволов мы свернули на коричневую тропинку. Колеса окрасились грязью, оставляя за собой чешуйчатый шлейф. Повсюду вокруг блестела пушистая трава.

Пробившись сквозь низкие ряды банановых деревьев, белый мопед подъехал к компактному строению и встал под тряпичным навесом. Тайка заглушила мотор. Я спешил и окинул взглядом небольшую кухню. Здесь на щебеночном полу, помимо мопеда, расположились стол, газовая плита и умывальник. У стены приветственно постукивал холодильник.

Наши вещи, впитавшие литры дождевой воды, уставшие, повисли на бельевой веревке. Стою у раковины с голым торсом. На мне традиционные хлопковые шорты – из ее гардероба; в развороте настолько широкие, что, кажется, сшиты на детеныша слона. Шорты легко подгоняются до нужного размера и закрепляются веревками на талии. В таких же мы тренировались в джунглях.

Смотрю в осколок зеркала, бреюсь. Поглядываю через отражение на женские ножки, танцующие у плиты; на стройное тело в рубаше на китайский манер, скрепляемой на груди узелками. Рубаша, белая и широкая, свисает прямоугольником до бедер и резко обрывается. Рукава, как два хобота – приходится закатывать.

Тайка ловко орудует ножом, кроша овощи: цак-цак-цак. Нарезанные кусочки летят в разогретый вок. Пш-ш-ш. Подпрыгивают масляные капли. Над плитой поднимается пар и шипение. Воздух наполняется приятными нотками арахиса, имбиря и соевого соуса.

В этой рубаше она похожа на летающий бумажный фонарик. Кру всегда была чудной. В тот первый раз, на мосту, когда мы встретились, она стояла во всем белом, а в руке было мороженое. Круглый мотоциклетный шлем скрывал волосы, делая ее похожей на мальчика. Глядя на непонятого пришельца, я растерялся. Хотя сам-то я был ничем не лучше – беспомощный бродяга. Наверное, общая ненормальность нас и сблизила.

Тайка встала на носки, балериной, потянувшись за специями. Тонкие мускулы икр напряглись. Рубаша поднялась до самых ягодич, оголив округлые очертания. Я замер, парализованный моментом. Затем подол рубахи упал на прежнее место.

Уточняю по-тайски, неужто хозяйка готовит жареный рис с овощами.

– Не-ет, ты не так произносишь! – расхохоталась она, не отрываясь от готовки. – Правильно: *кхау пхат пак!* А ты, как мокрая индюшка, издаешь бульканье: пак-пак-пак.

– Как слышу, так и произношу! Кто же виноват, что у вас все слова трехбуквенные.

– Сам ты трехбуквенный, Вик! – покачала волосами.

– Мой тайский плох, – подхожу ближе, – потому что меня обучала плохая училка!

– Ах так! – взмахнув рукой, она резко повернулась.

Мой взгляд устремился вверх на взлетевший металлический блеск. Нож сделал несколько быстрых оборотов, застыл на секунду под потолком, затем стремительно, как молния, воткнулся в деревянную доску. Цак! Две половинки авокадо закачались, оголив крупное разрезанное семечко.

Мы стояли вплотную. Наши взгляды переплелись в прочный клубок – до давящего ощущения в животе. И так щекотно вдруг стало, что мы без причины по-детски рассмеялись.

Тайка протянула руку, заботливо вытерев пятно мыльной пены с моей щеки.

Затем, почесав нос широким рукавом, радостно сказала:

– Еда готова.

Лучи солнца пробились сквозь дырявые тучи. Небо кое-где прояснилось, но целое стадо ватных бизонов паслось у вершины горы. Яркие блики упали на акварельную растительность. Тени банановых деревьев машут хвостами. Мы кушаем палочками.

Волосы ангела, еще влажные, свисают резиновыми нитями. Стрижка каре визуально удлиняет лебединую шею. Кру кажется очень юной, хотя она старше меня на пять лет. Действительно, люди в этой части света выглядят молодо, но в данном случае причина в другом – необыкновенная легкость. Боже, как она сияет! Ангельская кожа словно светится изнутри.

– Передай-ка салфетку, – говорю.

Ее рука потянулась вперед, и я обхватил тонкое запястье. Кисть напряглась в попытке ускользнуть, но я удержал. Мне не хотелось отпускать. Я чувствовал как наши ладони тают, сливаясь в общее тепло. Приятное чувство разлилось по предплечью.

Глаза девушки закрылись, и пару секунд я любовался ее длинными ресницами. Затем, взмахом крыльев, ресницы распахнулись. И я увидел тот самый взгляд – ласкающий, женский, материнский. Шелковый взгляд. Пропитанный нежностью кошки и любовью к мужчине, на которого он направлен.

Так мы и сидели, держась за руки и перестав жевать. Во рту слюна обволокла и растворяет комок риса. В этом моменте заключено все, что не выразить словами. Дом, наполненный запахом дождя. Блики на траве. Тепло ее ладони. Непринужденность. Все такое родное и близкое! Будто сладкий сон, где у меня снова есть семья, жена, дом. Стало ясно, в какую реальность я всегда держал путь.

* * *

Диванчик из лозы еле умещается на маленькой веранде второго этажа. На стене висят черно-белые фотографии – портреты пожилых азиатов. На чайном столике стопки книг.

Книги не навалены в кучу, как в прошлый раз, а стоят колоннами разной высоты. То, как организованы столбики, не выдало никакой последовательности, хотя поначалу показалось, что это Фибоначчи. Подобрал со стола «Искусство любить», лежавшую сама по себе, листаю растрепанные пожелтевшие странички.

Тайка приблизилась с двумя бокалами вина, наполовину красными и округлыми, как беременная газель. Поставила один передо мной и села на диванчик, подобрав под себя ногу. Ее рубаха снова надулась китайским фонариком. Тонкие пальцы удерживают хрустальную ножку, побалтывая вино. В бокале кружится бордовый водоворот.

Я протянул руку, и бокалы звонко встретились. Цам!

Все это время я не сводил с нее взгляда. Черт возьми, эта женщина – самая большая загадка из всех! Сводит с ума. Может, она вовсе не ангел, а колдунья, умеющая превращаться в дождь?

– Это какая-то проверка?

Она промолчала с момент, потупив взгляд.

– Может быть.

Взбалтывает вино.

– Почему мы пьем?

Глаза взлетели на меня.

– А почему нет?

– Ну, я думал, у нас есть правила, и наш девиз: «жизнь – самый сильный наркотик».

– Наркотики, при желании, можно смешивать. А ты задаешь слишком много вопросов. Делаю короткий обжигающий глоток.

– Знаешь, – говорю, – когда мы впервые встретились, я думал, что ты сумасшедшая.

– А сейчас?

– Сейчас я сам стал таким.

Она протянула бокал, и стеклышки снова встретились. Дзинь!

Голова кругом.

Собеседница наклоняется в мою сторону:

– Когда мы впервые встретились, у тебя был взгляд смертельно раненного пса. Не знаю как ты вообще выжил.

Откидывается назад и хихикает.

– Ты сделала меня сильным, – говорю.

– А ты меня сделал уязвимой, – ставит бокал на стол.

Ее улыбка меняется.

– Это какая-то игра? – спрашиваю.

– Ты снова задаешь вопросы.

Пригубив вино, я поставил бокал. Сидим в тишине.

– Расскажи о себе, ведь я почти ничего не знаю.

– Тебе по-прежнему, непременно, все хочется знать? – улыбается.

Я не ответил, разрываемый смешанными чувствами. Действительно, знать не хотелось, а лишь любить, быть с ней. Но, в то же время, я желал эту женщину всю, целиком, вместе с ее таинственным прошлым.

– В тебе всегда жила доброта, – она подобрала бокал со стола. – Правда, ты слишком заиклился на своей драме. Но не только у тебя была трагедия, она есть у каждого, и у меня тоже. Видишь эти фотографии на стене? В шесть лет меня отдали в секцию тренироваться тайскому боксу, это было в Бангкоке.

Она замолчала, рассматривая фотографии, словно видит впервые. Азиаты глядели на нас строго и укоризненно. Будто сами никогда не пробовали вино.

Тут же перед глазами ярко вспыхнул образ маленькой девочки: со стрижкой каре и огромными перчатками на тонких ручках. В сердце что-то дрогнуло.

– Мой отец всегда хотел сына. А я так желала, чтобы он гордился мной. Старалась доказать, что девочка ничем не хуже. Но не так-то просто заполучить любовь отца. Я тренировалась, каждый день, пытаюсь оправдать его ожидания. Приходила первая на тренировку, уходила последней. Начала выступать на ринге, появились первые награды. А он, он все равно смотрел не так, не видел во мне равную.

Она прикоснулась губами к тонкому хрусталу, оставив на краю красный след, как от помады.

– Затем все пошло наперекосяк. Тот бой, на арене в Чианг Май, шестнадцатого декабря. Против меня на ринг вышла соперница, невероятно красивая. Весь зал рукоплескал ей, и стало ясно, что она успешнее и сильнее, превосходит меня во всем. Если бы я была такой, отец точно бы меня полюбил. Я заглянула противнице в глаза, и что-то замкнулось внутри. Бой был проигран. В первом же раунде, когда мы сцепились в клинче, меня сокрушил ее удар коленом. Ноги подкосились. Непонятно каким чудом, но я устояла. Наверное, мысль о том, что отец где-то там, смотрит, удерживала обмякшее тело от падения. Я повисла на ниточке, умоляя, чтобы вот-вот прозвучал гонг. Но гонг молчал, вместо него прилетел локоть – темнота, нокаут. Я провалилась во мрак.

Тайка отодвинула нависшую челку, демонстрируя бровь, от которой тянулся вертикальный шрам. Этого шрама я прежде не замечал.

– Затем у меня был бойфренд. Ты знаешь, как тайские мужчины иногда обращаются с женщинами. А я была слабой, податливой. Старалась быть покорной, а он избивал меня. Каждый день я просыпалась и продолжала быть с ним, ненавидя себя за это. Чувствовала, что я здесь чужая, не принадлежу этому миру. Что-то неистовое пожирало изнутри, я перестала спать – жуткая бессонница. Принимала таблетки. А однажды выпила все разом, весь бутылек.

Она опустошила бокал и подняла со стола мой.
Затем взмахнула куда-то на север.

– Я оказалась в том монастыре, неподалеку отсюда. Очень спокойный монастырь: вокруг виноградники, холмы, речка, вдоль которой поднимаются кельи на худых бамбуковых ножках – напоминают слонов с картины Дали. Целыми днями медитировала. Однажды мимо проходил странствующий монах. Не знаю почему, но я последовала за ним. Стала его ученицей, возобновила тренировки. Но больше никогда не выходила на ринг. Сейчас я понимаю – нас свела та же сила, что организовала мою встречу с тобой.

Поставив на место недопитый бокал, азиатка взяла мою ладонь.

– С тех пор, как я встретила тебя, все поменялось... Пришло освобождение, больше не приходится бороться, быть сильной и что-либо доказывать. Я кое-что поняла про отношения – это крылья. Когда тебя подкидывает в воздух, и ты расправляешь их. Крылья, которые всегда были. Но я в них не верила, и все вокруг, даже собственный отец, не верили. А ты, оказывается, умеешь летать.

Она потянула меня за руку, поднявшись. Я последовал за ней.

Мы зашли в темную комнату – келья, в которой хватало места лишь на матрас и на то, чтобы подступиться к нему с одного края. Маленькая тайка встала на фоне решетчатого окна, из которого сочились бледные лучи. Я почувствовал, как быстро мои глаза адаптировались к темноте и отчетливо различают предметы.

Приблизившись сзади, вплотную, обвивая рукой ее хрупкую талию. Кладу ладонь на упругий живот, касаясь губами основания сахарной шеи. Она нежно трется о мою щеку. Запах волос и ванили. Дыхание разгоняется.

Некая сила, крепко ухватив за предплечье, дернула вверх – оторвала от пола. Диафрагму сжалю. Через секунду я уже лежал на матрасе, пытаюсь снова дышать, но получилось не сразу.

Тайка сидела сверху, ее прическа растрепалась. Широкая рубаха расстегнулась и сползла с левого плеча, оголив небольшую грудь, на которую легла решетчатая тень от окна. Темный заостренный сосок поднимался, двигался вверх-вниз от учащенного дыхания.

Она наклонилась и поцеловала меня.

– Это последняя ночь.

Цепенею.

– Это, – шепчет на ухо, – только начало пути.

– Нет, ты не понимаешь, – шепчу, – ты и я, этот дом, это и есть мечта!

– Иногда нужно отдалиться от мечты, чтобы приблизиться к ней.

Молчу, ком в горле.

– Вик, ты должен помнить, что нет неправильного выбора. В нужное время ты придешь туда, куда всегда шел. Это неизбежно.

Тишина.

Слышно лишь наше совместное дыхание.

В глухоте ночи, где-то очень далеко, в гуще деревьев на вершине горы, послышался затяжной скулящий вой.

– Кру...

– А?

– Мне страшно.

Той ночью я видел сон про собаку. Собака была добрая и светлая, как лабрадор. Делая широкий взмах, рука бросала мячик, так далеко, насколько можно закинуть. Мячик летел по дуге, ударялся о землю и продолжал скакать по траве. Быстро и весело катился, как колобок.

А я бежал следом, очень быстро, туда, неизвестно куда; за мячиком, прыгая по траве и кочкам. Несся с высунутым языком. Уши гнулись в потоке ветра, из-под лап вылетали клочки травы. Ничего не было нужно – только радостно бежать.

Когда я нагонял мячик, еще скачущий, то с хрипом вгрызался в него. И, беспокойно дыша, возвращался, капая слюнями. Довольный, всем видом показывая: «Смотри, у меня мячик во рту!».

Махал хвостом как бешеный. И это был хвост, дополняющий меня. Счастье струилось и распирало, хотелось пометить все деревья вокруг.

Гляжу на мячик добрыми глазами. На языке слюни. Машу хвостом. Таким родным хвостом...

Высшее проявление любви заключается в том, чтобы предоставить человеку свободу – быть собой и двигаться собственным путем. Так говорит Кру.

ГЛАВА 2: ОСЕНЬ

СТРАХ

Что такое приключение? Это не побояться и оседлать волну. Можно прятаться, лениться, закрывать глаза и считать, что тебе это не нужно. Но волны все равно там, накатывают, бьются о бежевое основание мечети. Двухсотметровым гигантом поднимается та из воды и, выпрямив спину, устремляется высоко в небо, чиркая макушкой самые облака.

Мечеть стоит, вопреки неудержимому натиску океана. Словно корабль, навсегда бросивший якорь. Разрезает монолитным носом наглые волны. Ребятишки, дюжина коричневых точек в шортах, похватав самодельные доски, похожие на туалетные сидения, прыгают со стены прямо в бурлящую воду.

Волны поднимаются одна за одной, шипят, пенятся барашками. Те, что не разбились о мечеть, продолжают движение к берегу и падают там, обессилевшие, прямо на острые камни, раскатиasto, подобно тропическому грому. Брызги повсюду.

Говорят, время от времени кто-то не выплывает. Когда ударяет головой о валун – теряешь сознание, и океан забирает с собой. Воды здесь такие прожорливые, что человека уже не найти.

И вот, спрыгнув с мечети, ты оказываешься в бурлящей пасти и дожидаясь волны, той самой, своей волны. Из всех сил гребешь руками, пытаешься оседлать прозрачную акулю спину. И когда у тебя получается – захватывает дух. Время замирает, ты растворяешься, сам становишься волной, стихией. Испытываешь откровение, которое становится частью тебя, уже нового человека.

К вечеру океан отступает, медленно, как наевшийся зверь, оставив после себя обглоданный берег. Обнажает каменистое дно. И, конечно, никаких утонувших не находят. Их с собой забирает глубина и вечность Атлантики. На месте ушедших волн чернота, в неровностях которой блестят лужи. Зеркальные поверхности отражают краски заката.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.